

УДК 821.112.2
ББК 83.3(4)

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-5-20-31

ПРОЕКТ ИДЕАЛЬНОГО «Я» В «ДЕРЕВЕНСКОМ ПРОПОВЕДНИКЕ» Я. М. Р. ЛЕНЦА

Н. В. Гладилин

Аннотация. В статье проанализированы причины и цель создания немецким писателем Я. М. Р. Ленцем последнего крупного произведения, повести «Деревенский проповедник» (1777). Повесть была написана в пору, когда ее автор осознал невозможность жить литературным трудом, несовершенство исповедуемой им эстетики «Бури и натиска», постоянство неудач в личной жизни и непреложность разрыва с кругом прежних друзей, вследствие чего возникла необходимость начать жизнь сначала. В «Деревенском проповеднике» нашел отражение интенсивный интерес Ленца к передовым социально-экономическими теориям и практикам, в частности, к деятельности физиократов. В отличие от самого писателя, его герой, пастор Маннгейм, отверг путь литератора-идеалиста и всецело посвятил себя заботе о материальном процветании своего сельского прихода, агрикультурным нововведениям, воспитанию наследника в духе Руссо. Таким образом, Ленц создал своего рода желаемую автобиографию, актуальный проект идеального «я», резко контрастирующего с «я» реальным. Этот проект, несмотря на некоторые утопические черты, в целом вполне реалистичен. «Деревенский проповедник» знаменует собой попытку перехода от основанной на сильных чувствах и проникнутой меланхолией эстетики «Бури и натиска» к просветительскому оптимистическому рационализму. Однако новый проект «я» на практике Ленц реализовать не сумел.

Ключевые слова: Я. М. Р. Ленц, «Деревенский проповедник», «Буря и натиск», физиократия, идеальное «я», утопия, реализм, оптимизм, философия Просвещения.

Для цитирования: Гладилин Н. В. Проект идеального «я» в «Деревенском проповеднике» Я. М. Р. Ленца // Наука и школа. 2024. № 5. С. 20–31. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-5-20-31.

© Гладилин Н. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

PROJECT OF IDEAL SELF IN "THE COUNTRY PREACHER" BY J. M. R. LENZ

N. V. Gladilin

Abstract. *The article analyses the creation reasons and purpose of the last large work by the German writer J. M. R. Lenz, novella "The country preacher" (1777). The novella was written at the time when its author realized the impossibility to live by writing, the imperfection of "Sturm und Drang" aesthetics adhered to by him, permanence of failures in his private life and irreversible separation with the circle of his former friends which contributed to the necessity to start the life anew. "The country preacher" reflects Lenz's intense interest in advanced socio-economic theories and practices, in particular to the activities of physiocrats. Unlike the author, his character, pastor Mannheim, rejected the platform of the idealistic man of letters and completely dedicated himself to material prosperity of his country parish, to agricultural innovations, and to upbringing his heir in the spirit of Rousseau. Thus, Lenz created a kind of desired autobiography, a project of his ideal self of the time standing in sharp contrast to his real self. On the whole in spite of some utopian features this project is perfectly realistic. "The country preacher" represents an attempt of moving from "Sturm und Drang" aesthetics based on strong emotions and inspired with melancholy to enlightening optimistic realism. However, Lenz was not able to put the new project of his self into life.*

Keywords: *J. M. R. Lenz, "The country preacher", "Sturm und Drang", physiocracy, ideal self, utopia, realism, optimism, philosophy of Enlightenment.*

Cite as: Gladilin N. V. Project of ideal self in "The country preacher" by J. M. R. Lenz. *Nauka i shkola*. 2024, No. 5, pp. 20–31. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-5-20-31.

Проза Якоба Михаэля Рейнгольда Ленца (1751–1792), одного из ведущих представителей движения «Буря и натиск» в Германии, в отличие от его драматургии, мало изучена отечественным литературоведением. Между тем для всестороннего представления о личности и творчестве этого незаурядного писателя, теоретика литературы и поэта необходимо изучение всех его произведений. Восполнению существующих лакун посвящены наши ранее опубликованные статьи о повестях «Цербин, или новая философия» [1] и «Лесной отшельник. Pendant к страданиям Вертера» [2]. В настоящей работе речь пойдет о последнем и наиболее объемном прозаическом тексте Ленца – повести «Деревенский проповедник» («Der Landprediger», 1777). Цель исследования – выяснить, по каким соображениям писатель взялся за совершенно не типичную для себя тему и решил ее, опять же, в не типичном для себя ключе.

Ленц обратился к художественной прозе, когда практически исчерпал себя в иных родах литературы. Вскоре после создания «Деревенского проповедника» он пал жертвой тяжелого психического заболевания, от которого так и не оправился. Написанное им в последние 15 лет жизни невелико по объему, не относится к жанрам художественной литературы и представляет собой, говоря словами поэта, «отрывок, взгляд и нечто». Поэтому анализируемую повесть можно воспринимать как своего рода «лебединую песню» Ленца-писателя. Важными для понимания ее содержания и формы представляются подробности биографии автора и особенности его личности. Кроме того, необходимо рассматривать «Деревенского проповедника» в контексте времени его написания.

Ленц создал эту повесть в пору своего пребывания в Эммендингене у зятя Гёте Иоганна Георга Шлоссера. То был весьма тяжелый для него период. Во-первых, он осознал невозможность своего существования исключительно на литературные заработки, а какое-либо иное поприще ему, человеку непрактичному, без завершеного высшего образования и с крайне лабильной психикой, в тогдашнем социуме избрать было крайне сложно. Во-вторых, постоянные неудачи в личной жизни, объяснявшиеся, как правило, его превратными представлениями насчет объектов собственной страсти, еще больше занизили его самооценку. В-третьих, непосредственно перед приездом к Шлоссеру Ленца постиг едва ли не самый жестокий в его жизни удар: позорное изгнание из Веймара, инициированное бывшим наперсником и литературным соратником Гёте, опрокинувшее его мечтания об идиллической «республике поэтов» и лишившее его какого-либо дружеского участия и покровительства. Ленц был вынужден начинать жизнь «с нуля» и, в частности, искать для себя новый круг общения. Его скитальческая жизнь в 1777–1778 гг. была во многом обусловлена именно последней задачей.

Наконец, заметим, что это была пора истощения творческого импульса «Бури и натиска» – движения, сыгравшего колоссальную роль в истории немецкой литературы и мысли, но просуществовавшего весьма недолго, менее одного десятилетия. Признанный вождь «штюрмеров» («бурных гениев»), молодой Гёте, отошел от прежних эстетических взглядов и променял былое бунтарство на высокий государственный пост при дворе веймарского герцога. Ф. М. Клиггер, как и Ленц, изгнанный другом юности из Веймара, поступил на военную службу и начал писать произведения, имевшие мало общего с его же ранними, полными сильных чувств и аффектов драмами, название одной из которых дало имя всему течению «Буря и натиск». Умолк и вскоре умер талантливый Г. Л. Вагнер, десятилетнему тюремному заключению подвергся К. Ф. Д. Шубарт, а юный И. Ф. Шиллер, который еще не вступил на литературную стезю и чьи ранние драмы порой рассматриваются как последняя яркая вспышка «Бури и натиска», некоторыми к этому течению не причисляется в силу своей риторичности, замены аффекта пафосом. Кризис «Бури и натиска» подвигал и Ленца искать новую идейно-художественную платформу либо новую профессиональную сферу.

Приютивший веймарского изгнанника И. Г. Шлоссер (1739–1799), друживший с многими заметными штюрмерами, показался Ленцу ярким примером практического деятеля, не чуждого литературных интересов. Шлоссер оставил заметный след в истории: он не только занимал видные государственные посты в маркграфстве Баден, но и отдавал много сил внедрению передовых методов в промышленности и сельском хозяйстве. Его перу принадлежит ряд теоретических сочинений, в том числе, два религиозно-моральных трактата: «Катехизис нравственного учения для сельских жителей» (1771) и «Катехизис христианской религии для сельских жителей» (1776). Последний оказался столь радикальным, что его даже внесли в Индекс запрещенных книг и сожгли. Реформаторская социальная и агрикультурная деятельность Шлоссера, безусловно, нашла свое отражение в повести Ленца, а ее герой, Иоганнес Маннгейм, носит многие черты этого замечательного человека (а также, как указывает К. Цират, французских экономистов-физиократов Ф. Кенэ и Р. Ж. Тюрго, врача и экономиста И. Б. Фишера, швейцарского крестьянина-новатора Я. Гуйера по прозвищу Якоб-малый (Kleinjogg) [см.: 3, S. 63]). Но если Шлоссер и другие прототипы Маннгейма имели светские профессии, то сам Маннгейм – священник, и это совсем не случайно. Ведь именно священником, продолжателем своего жизненного дела, хотел видеть непутевого сына пастор Христиан

Давид Ленц, именно на теологический факультет Кенигсбергского университета он послал того учиться. В результате неблагодарный сын университет бросил и занялся литературным трудом, но с богословием окончательно не порывал, даже в самые «богемные» годы жизни создав ряд религиозно-моральных трактатов. Последовавшее в 1779 г. возвращение «блудного сына» в Лифляндию, к недовольному им отцу – одно из подтверждений того, что, вероятно, писатель Ленц сожалел о сделанном в юности выборе.

Иоганнес Маннгейм, как и его автор, вырос в пасторской семье, как и тот, слушался отцовской воли и вместо того, чтобы отправиться в какой-нибудь церковный приход, сначала «сопровождал одного юношу из дворян в его путешествиях»¹ [4, Bd. 2, S. 418]. Точно так же юный Ленц некогда отправился из города, где учился в университете, в далекий Страсбург, в качестве гувернера при курляндских баронах фон Клейст. Итак, «Деревенский проповедник» содержит несомненные автобиографические черты. Но дальнейшая карьера протагониста кардинально расходится с жизненным путем самого Ленца. Писателю не было суждено ни стать пастором, ни сделаться благодетелем для большого числа людей, ни жениться, ни иметь детей.

В то же время вектор практической деятельности и мировоззрение Маннгейма, безусловно, созвучны устремлениям самого Ленца «послевеймарской» поры. Знакомство с педагогическими теориями и социально-экономическими экспериментами Шлоссера явилось лишь звеном в цепи интенсивных штудий современных Ленцу учений, ставивших задачей народное просвещение и христианское воспитание широких слоев общества. После пребывания у Шлоссера писатель много путешествовал по Юго-Западной Германии и Швейцарии, встречаясь с различными видными фигурами, проповедь и опыт которых могли оказаться полезными в его дальнейшей деятельности. «Прежде всего следует назвать швейцарских друзей из круга Лафатера, Изелина, Саразина и Пфеннингера. В этом отношении “Деревенский проповедник” можно квалифицировать как попытку Ленца войти в круг швейцарских просветителей компетентным, социально ангажированным представителем практического Просвещения и тем самым противодействовать его собственному негативному образу, который начал формироваться у литературной общественности» [5, S. 339]. В одном ряду с упомянутыми С. Паутлером деятелями должен быть назван также эльзасский пастор И. Ф. Оберлин, наиболее сведущий очевидец и первый хронист душевного заболевания Ленца, основавший одно из первых в мире дошкольных учреждений и внедривший в своей сельской общине новейшие достижения агрономии. Да, со всеми этими людьми Ленц близко сошелся уже после написания «Деревенского проповедника», но и ранее он живо интересовался педагогическими и экономическими вопросами. Так, Х.-Г. Винтер указывает, что Ленц еще в страсбургский период жизни, в начале 1770-х гг., познакомился с учением французских физиократов, а в Веймаре тщательно штудировал труды их ведущего немецкого последователя И. А. Шлеттвейна [см.: 6, S. 97].

В «Деревенском проповеднике» изображено вполне типичное для того времени явление: религиозный пастырь, ставящий целью не только и не столько проповедь страха перед адскими муками и загробного блаженства, сколько земное, посястороннее благоденствие паствы. Новые поколения священников хорошо усвоили уроки Просвещения с его веротерпимостью и ориентацией на разумное жизнеустройство. А. Ноойен усматривает в повести Ленца влияние

¹ Все цитаты из произведений Ленца и трудов зарубежных исследователей даются в переводе автора настоящей статьи. – Н. Г.

неологии – модернистского течения в протестантизме, зародившегося в XVI в. в кальвинистских Нидерландах, но в XVIII в. нашедшего много последователей среди лютеранских богословов Германии (И. И. Шпальдинг, И. Ф. В. Йерузалем, И. Я. Грисбах и др.). «Они не просто хотели пересмотреть традиционную догматику, а принципиально подвергли сомнению ортодоксальный способ богословствования. Для них речь шла не о создании теологической теории, в центр внимания они ставили практическое христианство» [7, S. 263].

Протагонист повести Ленца, вопреки схоластическому богословию, основанному на внешнем авторитете, «образовал свою религию в согласии с собственным сердцем» [4, Bd. 2, S. 415]. Суть ее Ленц характеризует короткой, но емкой максимой: «Бог страдает, когда мы грешим, а воскресает и ведет на Небеса, когда мы делаем других счастливыми» [4, Bd. 2, S. 415]. Наряду с богословием юный Маннгейм внимательно «изучал камеральные науки, химию и математику» [4, Bd. 2, S. 416]. Под камеральными науками в XVIII в. понимали учение о финансах, правоведение, науку управления и политэкономия, и это четко свидетельствует о неортодоксальности интересов и мировоззрения будущего пастора. А вступив в должность, «никогда он не ставил целью излагать крестьянам теологию как науку; ведь их волновало вероучение церкви в столь же малой степени, сколь и ее сомнения» [4, Bd. 2, S. 422]. И далее: «Итак, он ни слова не говорил своим слушателям ни о вечности адских мук, ни о единстве двух природ, ни о таинствах евхаристии, пока те сами до этого не добивались и втайне не приходили к нему за советом, поскольку он всякий раз приспособливал свои наставления к особым свойствам вопрошавшего к нему человека. Но он наставлял крестьян во всем, что касалось их обязанностей по отношению к имуществу, к детям, к себе самим» [4, Bd. 2, S. 422–423]. Л. И. Пастушенко в этой связи замечает: «В подобном акцентировании естественной религии, в известном небрежении сверхчувственными элементами христианской догмы Ленц прямо смыкается с просветителями, настаивавшими на обновлении форм религиозной жизни и требовавшими практического приложения философии (К. Вольф)» [8, с. 240].

В «Деревенском проповеднике» очень мало информации о том, какие именно сельскохозяйственные реформы во вверенном ему приходе внедрил Маннгейм, как именно он наставлял крестьян. Можно привести только следующий пассаж: «Он приводил им отдельные примеры домохозяев, которые преуспели благодаря прилежанию и умелости, доказывал им, что труд и часто даже нужда суть семя, из которого произрастает все наше преходящее счастье, и что соединение их усилий, их стад, их угодий, а также уживчивость и дружба – основа их собственного и всякого гражданского благосостояния, и что чем зажиточнее они станут благодаря взаимопомощи, тем меньше они будут чувствовать бремя налогов...» [4, Bd. 2, S. 423]. Отметим, что Маннгейм, подобно физиократам, выступает против дробления земельных наделов, за объединение усилий отдельных землевладельцев, но, в отличие от школы Кенэ и Тюрго, не видит необходимости в расчленении сельской общины на богатых фермеров и батраков. Скорее, он стремится к созданию коммуны, к обобществлению средств производства, к имущественному равенству – но под патерналистским руководством его самого, Маннгейма. С одной стороны, пастор – такой же земледelec, как остальные, с другой же – высший судебный и хозяйственный авторитет для остальных: «Они должны были излагать ему все свои жалобы друг на друга, все сомнения в отношении того или иного нововведения, все препятствия для возделывания земли, и он всем отвечал либо тотчас же, либо в следующее воскресенье, после того как хорошенько

обдумывал вопрос, справлялся по его поводу в книгах или вступал в переписку с другими землепользователями, чтобы посоветоваться с ними» [4, Bd. 2, S. 424]. И хотя о конкретных мерах по улучшению экономического положения крестьян Ленц почти ничего не говорит, он спешит уверить читателя, что эти меры принесли самые желанные плоды: «И вот, в кратчайшее время деревня стала одной из самых зажиточных во всей округе» [4, Bd. 2, S. 424].

«Деревенский проповедник» на протяжении многих страниц дает основания рассматривать его как своего рода сельскую идиллию, утопию гармонического сосуществования и сотрудничества пастыря и паствы, совместно движущихся к процветанию. Идиллия заходит так далеко, что протагонист и его супруга даже умирают в один и тот же день [4, Bd. 2, S. 453]. Однако повесть завершается «приложением» – письмом Иоганнеса Маннгейма, якобы найденным в бумагах его друга. Из этого письма следует, что не все в карьере чудо-пастора было так уж гладко и безоблачно. В письме повествуется о визите в деревню, где он жил и проповедовал, суперинтенданта, инспектирующего положение дел в общине, а также правоверность ее членов и главы. Становится очевидно, что умонастроение и деятельность Маннгейма вызывали у ортодоксально-ретроградного церковного начальства серьезные подозрения и возражения, угрожающие его пребыванию на занимаемом посту. Суперинтендант, «говорилось в письме, не на шутку перепугался, когда услышал, как я в его присутствии проповедую *наилучший способ орошения лугов*» [4, Bd. 2, S. 457]. Реакция высокопоставленного контролера не сулит еретику ничего хорошего: «Он будет вынужден доложить об этом казусе Верховной консистории и сожалеет о том, что через полгода услышит, как мне, возможно, против моей воли, снова придется проповедовать убогие воскресные и праздничные Евангелия» [4, Bd. 2, S. 457]. Но в ответ Маннгейм рассказывает суперинтенданту притчу о голодном дикаре, которому миссионер стал толковать основы христианского учения, но тут же был несостоявшимся прозелитом съеден [см.: 4, Bd. 2, S. 459]. Таким образом, устами своего героя Ленц высказывает умеренно-просветительскую точку зрения: только человек, избавленный от забот о хлебе насущном, может быть вполне нравственным и законопослушным истинным последователем Христа. При этом Маннгейм разделяет просветительский оптимизм в отношении человеческой природы: «Лишь наше неверие в человечество повинно в том, что человек столь зол» [4, Bd. 2, S. 462].

Конфликтные отношения, пусть, насколько возможно, сглаженные шутивно-ироничным тоном повествования, Ленц показывает не только в противостоянии религиозного модернизма с религиозным же фундаментализмом. Деревенскому проповеднику приходится также искать свой модус поведения по отношению к представителям господствующего класса – дворянства. Это особенно проявляется в сцене первого визита Иоганнеса Маннгейма к местному помещику. Один из гостей-дворян, кичащийся своей мнимой близостью ко двору, «делал вид, словно в упор не видит пастора» [4, Bd. 2, S. 434], даже когда тот был в центре всеобщего внимания, и сцена вдруг прерывается авторским отступлением, направленным против «дворянской спеси» [4, Bd. 2, S. 431]: «Эта порода людей лишает себя всех истинных сокровищ и преимуществ жизни. На их презрение граничащие с ними сословия отвечают своим презрением, и поскольку они должны пресмыкаться перед вышестоящими по исповедуемому ими же принципу, то они, собственно говоря, суть самые презренные из людей. Если присокупить к этому душевную пустоту, вызванную той же самой спесью, то скорее следует не завидовать их положению, а сожалеть о нем» [4, Bd. 2, S. 431].

Правда, тут же Ленц порицает и «спесь низших сословий, которая столь же невыносима» [4, Bd. 2, S. 431] – и напоминает, что дворянин и «благородный бюргер» «столь необходимы друг другу» [4, Bd. 2, S. 432]. Но заметим, что на протяжении всей сцены в доме помещика симпатичный автору Маннгейм совершенно не церемонится и даже ведет себя вызывающе: сам выбирает, где ему сесть [4, Bd. 2, S. 432], сам определяет темы разговора – словом, всячески демонстрирует независимость, самодостаточность на грани той самой классовой «спеси». Не раз в повести Ленца подспудно находит отражение сословное соперничество: так, о пасторе Маннгейме говорится: «Едва лишь его состояние стало значительным, он обставил весь свой дом с таким вкусом, что пробудил желание подражать ему даже у дворянства» [4, Bd. 2, S. 424], и, не в последнюю очередь, в пику этому самому дворянству Маннгейм превращает свой дом в салон, где собирается и ведет умные беседы бюргерская интеллектуальная молодежь. Если всемогущий помещик иронически-снисходительно аттестует гостям строптивного пастора как человека, «который хочет сделать своих крестьян благородными людьми, а из своей церкви – академию экономических наук» [4, Bd. 2, S. 434], то ниже сам автор не без восхищения говорит о Маннгейме: «Итак, его дом стал в определенном роде академией искусств и наук, прибежищем для художников и ученых» [4, Bd. 2, S. 439].

Высказывает Ленц в «Деревенском проповеднике» и свои воззрения относительно воспитания детей. И опять здесь мы видим беллетризованное пожелание, как Ленц хотел бы, чтобы в свое время воспитывали его самого. Вместо авторитарного, патриархально-религиозного отца, всячески сковывавшего его инициативу и ломавшего его своеобразную индивидуальность, он хотел бы иметь наставника, исповедующего педагогические принципы Руссо – самого любимого всеми штурмерами мыслителя. Правда, Иоганнес Маннгейм, как и Ленц, вырос в атмосфере строгости и принуждения, его собственный отец был «большой друг догматики и ортодоксии» [4, Bd. 2, S. 413], но вот своего единственного сына, Иоганнеса Второго (Johannes Sekundus), он воспитывает во вполне руссоистском духе. Его метода заключается «не в том, что он многому учил сына, но он давал тому книги, на которых тот мог учиться, и позволял тому задавать ему вопросы, если чтение не ладилось. У него было правило: все, что из человека получится, должно проистекать из него самого, и его воспитатели должны служить, в лучшем случае, острым орудием, высекающим из него что-нибудь» [4, Bd. 2, S. 451]. При этом он не пускает развитие сына на самотек, например, ограничивает определенными часами игры того со сверстниками, тогда как «остальное время тот должен был оставаться в рабочем кабинете отца, где мог заниматься тем, чем хотел» [4, Bd. 2, S. 452]. Это тоже вполне соответствует взглядам Руссо, полагавшего, что ребенку вредна слишком ранняя социализация и первой книгой, которой тому надлежит прочесть, должен быть «Робинзон Крузо» [см.: 9, с. 212–213]. Пастор Маннгейм не стремится во что бы то ни стало сделать сына продолжателем своего дела, Иоганнес Второй волен сам выбирать себе профессию. После окончания юридического факультета он служит по дипломатическому ведомству, признан «одним из первых умов своего века» [4, Bd. 2, S. 452] и «возведен в титул барона» [4, Bd. 2, S. 452]. Не пример ли бывшего друга, а ныне – заклятого врага, Гёте, взявшего твердый курс на получение дворянского диплома, увлекал записного неудачника Ленца? Не о реванше ли за собственные загубленные жизнь и карьеру думал писатель, повествуя о судьбе Иоганнеса Второго?

Еще один важнейший мотив «Деревенского проповедника» – легитимность литературного творчества, в которой Ленц после Веймара с каждым днем все сильнее сомневался. Тем более что в ту пору писательство стало массовым занятием; количество пишущих немцев, в 1776 г. превысившее 4300 [см.: 10, S. 214], в глазах обделенных читательским успехом интеллектуалов обесценивало качество написанного ими. Вот и центральный персонаж повести Ленца вовсе не чужд современной литературной моды и писательских амбиций: «Почти целых три месяца он, ворочаясь в постели, замышлял представить образованному миру роман во вкусе Ричардсона или Филдинга...» [4, Bd. 2, S. 444]. Однако Маннгейм сознает, что стремление увидеть свою фамилию на обложке и титульном листе популярной книги – разновидность богопротивной гордыни. Чтобы одолеть в себе зуд сочинительства, он открыто исповедуется в своем греховном намерении жене и ее подруге Лизхен. К супруге, а затем – к обеим дамам обращены его слова: «Дьявол искушал меня, и ты должна была мне помочь. Но давайте поговорим о чем-нибудь другом, а ту из вас, кто посмеет хотя бы одним слогом обмолвиться о романе, я объявлю наисмертельнейшим врагом, какой только бывал в моей жизни» [4, Bd. 2, S. 444–445].

Однако после смерти протагониста в его бумагах находят «превосходные трактаты, которые совокупно войдут в собрание его писаний, изданное в Амстердаме форматом ин-октаво. Среди них был *Опыт об эпидемии среди скота, о лечении лошадей, о травостое и о пользе английских кормовых трав, о климате и его влиянии на людей, животных и растения, в особенности же на население*, где содержались воззрения на человеческую и совокупную организованную природу, которые заставили бы покраснеть самого Монтескье» [4, Bd. 2, S. 445]. Добродушная авторская ирония, которой сдобрены заглавия трудов покойного героя, конечно, оставляет у читателя сомнения в непреложности их научной ценности, но несомненно другое: перестав кокетничать с мечтой о писательской славе, Маннгейм с тем большим энтузиазмом взялся за создание практических руководств, призванных облегчить условия труда и повседневной жизни рядовых крестьян. Таким образом, цель писательства он видит не в пустословном самовыражении, а в заботе о благе ближних.

То, что литературное творчество – наиболее стойкое искушение для грамотных слоев населения тогдашней Германии, которому не так легко противостоять, Ленц подчеркивает удвоением, даже утроением мотива: после отказа Маннгейма от воплощения его «роман(т)ических» грез, вирус сочинительства подхватывают его супруга и ее наперсница. Обе дамы среди скудной развлеченности сельской жизни все с большим азартом балуются стихотворчеством и даже договариваются с издателями о публикациях. Узнав об этом, пастор не произносит гневные филиппики в «штюрмерском» духе против предосудительного, на его взгляд, хобби, а хладнокровно предлагает обеим дамам прогулку в новую для них местность, в результате чего приводит их на край зияющей пропасти. Он высоко поднимает над ней жену и говорит ей:

«Ну же, если ты хочешь играть роль поэтессы, то тебе надо играть ее полностью, как играла в свое время Гречанка. Низринься с этой скалы, воззови еще раз к своему Фаону и скажи ему, что умираешь из-за него...» [4, Bd. 2, S. 450].

Здесь не только намек на легенду о смерти знаменитой «гречанки» Сапфо, которую тут же Маннгейм называет по имени, но, возможно, как считает Д. Арендт, и на евангельский текст (ср.: Мф. 4:6): «То, что Ленц отрекается от поэзии, намекая на новозаветную сцену искушения, показывает, что поэтическую деятельность он считает дьяволовым соблазном» [11, S. 49].

Рисуя вышеприведенную сцену, Ленц не только хочет лишней раз предостеречь читателей от дилетантского сочинительства, но и высказывает свое изменившееся отношение к предназначению женщины. Раньше он безоглядно влюблялся во многих из тех, кого считал венцом творения, причем не столько в реальных женщин из плоти и крови, сколько в их проекции в своем воображении, подчас навеянные только их письмами или портретами, – ярче всего это нашло отражение в повести «Лесной отшельник», гораздо более автобиографической, чем «Деревенский проповедник». Не способный воспринимать знакомых барышень такими, каковы они на самом деле, Ленц часто становился игрушкой в их руках, объектом шуток и манипуляций. Возможно, он устал от безответных влюбленностей в девушек, намного превосходивших его знатностью и/или обладавших недюжинными духовными запросами, и стал мечтать о кроткой и простодушной набожной бюргерше, чье предназначение – быть хозяйкой, женой и матерью, всячески покорствующей мужу. Естественно, рифмоплетство и прочие интеллектуальные забавы не должны входить в круг занятий такой женщины. «Постоянно забывают, что женщина с претензией на разумность – самое нелюбезное и ужасное существо, какое только вообще бывает», – писал Ленц Я. Саразину 28 сентября 1777 г., вскоре после публикации «Деревенского проповедника» [4, Bd. 3, S. 556]. При этом Ленц вновь следовал своему кумиру Руссо: в «Эмиле» тот задает читателям риторический, на его взгляд, вопрос: «скажите по совести: когда вы составляете лучшее мнение о женщине, входя в ее комнату, когда с большим почтением подходите к ней, – тогда ли, когда видите ее занятою работами, свойственными полу ее, заботами по хозяйству, окруженную домашним скарбом и детьми, или когда застаете ее пишущую стихи на своем туалетном столе, обложенную всякого сорта брошюрами и разноцветными записочками?» [9, с. 501].

Предавшись скепсису в отношении ценности неутилитарного литературного труда, при обрисовке образа Маннгейма Ленц, всю жизнь проживший в мире книг, возможно, даже в большей степени, чем в мире реальном, не мог не учитывать существующие литературные образцы, другие художественные повествования о добродетельных и просвещенных служителях церкви. Два из них он прямо называет в «Деревенском проповеднике» – это «Жизнь и мнения господина магистра Зебальдуса Нотанкера» (1773–1776) Ф. Николаи [4, Bd. 2, S. 421] и «Векфильдский священник» (1766) О. Голдсмита [4, Bd. 2, S. 463]. Оба этих романа заключают в себе большой социально-критический потенциал; невзирая на счастливый конец, герои долго подвергаются травле со стороны сильных мира сего: в первом – со стороны церковного начальства, во втором – со стороны злодея-дворянина. Утопически-идиллическую, буколическую картину социальной жизни не дает в «Деревенском проповеднике» и Ленц, пусть на долю его героя и не выпадают столь горькие испытания судьбы, как на долю голдсмитовского Примроза или Нотанкера у Николаи. Выше говорилось о серьезных трениях между священником-энтузиастом и косным церковным истэблшментом, между бюргерским духовенством и столбовым дворянством. Но добавим, что облик самого Иоганнеса Маннгейма не дотягивает до идеала праведника. Помимо грехов молодости, совершенных в пору странствий, Маннгейму можно инкриминировать непочтительное отношение к отцу и первой невесте, поощрение доноительства, наконец, барские замашки: его отношения с селянами, партнерские в экономическом смысле, в человеческом плане никак нельзя назвать товарищескими или хотя бы равноправными: «Слуга Божий, которому подобает сдержанность, – подмечает

Ф. Вернер, – держит себя надменно, как будто он – властелин деревни» [10, S. 55]. Он ограничивает круг общения своей жены, и та жалуется подруге: «мне все еще не хватает сердца, которое делило бы со мной счастье, даже счастье быть любимой так, как любима я» [4, Bd. 2, S. 437]. Она же выступает объектом слезки со стороны супруга, терпит с его стороны «ложь во спасение» и перлюстрацию ее почты, а главное – обязана беспрекословно ему повиноваться. Таким образом, в «Деревенском проповеднике» нет никакой общепримирающей симфонии сословий и полов. Даже периодически устраиваемый Иоганнесом Вторым пышный многодневный праздник в память о родителях, в сущности, лишен гармонии: на него допускаются одни лишь девушки. Более того – на этом празднестве принимаются повышенные меры безопасности: «у каждого ряда скамей караулили двое мужчин с ружьями, заряженными боевыми патронами, им было приказано стрелять в каждого, кто не сумеет оставаться в специально возведенных по этому случаю удобных рамках» [4, Bd. 2, S. 455–456]. Принимая подобные меры предосторожности, патрон сельской общины расписывается в том, что человеческая природа даже в оптимальных общественных условиях греховна, неисправима и подлежит надзору.

Итак, хотя М. Э. Мюллер не без оснований указывает на близость содержания повести Ленца к утопии Н. Ретифа де ла Бретона в приложении к вышедшему в свет чуть ранее роману в письмах «Совращенный поселянин, или Опасности городской жизни» [см.: 12, S. 150], не следует рассматривать «Деревенского проповедника» как утопический проект, снимающий все противоречия. Иоганнес Маннгейм и его сын остаются людьми со своими слабостями и недостатками, живущими в далеком от совершенства мире. В образах двух Маннгеймов Ленцем реализован не утопический проект гармонического человека и человечества, а проект «я», которое известный психолог К. Р. Роджерс определил как «я идеальное»: «это концепция “я”, которой индивид больше всего хотел бы обладать, тот мысленный образ, которому он хотел бы соответствовать» [13, p. 200]. По терминологии того же Роджерса образ «я» у Ленца-человека, очевидно, характеризовался очень высокой «неконгруэнтностью», то есть чрезвычайно большим разрывом между «я идеальным» и «я реальным»; поэтому Ленц-писатель в последнем своем большом произведении нарисовал такой образ «я», который на том этапе соответствовал его искренним чаяниям. Ленц мечтал видеть себя человеком деятельным, крепко стоящим на ногах, лишенным излишних сантиментов, владеющим своими эмоциями, приносящим большую общественную пользу, а потому – всеми уважаемым. Мы не совсем согласны с тезисом К. Р. Шерпе, гласящим: «Маннгейм – фигура бюргера-“самопомогателя” (Selbsthelfer) par excellence, хотя фигура синтетическая, искусственная, лишенная конфликтного потенциала, неизбежно делавшего знаменитых “самопомогателей” в литературе “Бури и натиска” трагическими персонажами» [14, S. 288]. На наш взгляд, «конфликтный потенциал» в образах пастора Маннгейма и его сына вполне сохраняется, хотя сильно ослаблен по сравнению с ленцевым же образом «распятого Прометея» [4, Bd. 2, S. 685], ибо наделен лишенным патетики жизнеподобием. Ленца можно считать одним из первых реалистов в немецкой литературе, и проект «идеального я» в его повести не утопичен, а реалистичен. Именно своей укорененностью в действительной жизни, умением адекватно отвечать на вызовы повседневности дóрог Ленцу-писателю нарисованный им персонаж, именно этими свойствами больше всего хотел бы обладать Ленц-человек. Но при этом на долю обоих Иоганнесов Маннгеймов не выпадает

чрезвычайных испытаний; в повести нет бурных страстей, исключительных положений и подспудной меланхолии, свойственных произведениям «Бури и натиска». Писатель, некогда бескомпромиссно критиковавший проект Просвещения за излишнюю рационалистичность и исторический оптимизм, в «Деревенском проповеднике» старается перейти на правомерно-просветительские позиции. Хотя реальная жизнь еще не раз укажет ему, что именно в его случае такой переход вряд ли возможен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладиллин Н. В.* «Цербин, или новая философия» Я. М. Р. Ленца в контексте «Бури и натиска» // *Наука и школа.* 2022. № 3. С. 11–19.
2. *Гладиллин Н. В.* «Лесной отшельник, Pendant к Страданиям Вертера» Я. М. Р. Ленца: ранний опыт терапевтического письма // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2023. Т. 16, Вып. 9. С. 2829–2836.
3. *Zierath C.* *Moral und Sexualität bei Jakob Michael Reinhold Lenz.* St. Ingbert: Röhrig, 1995. 197 S.
4. *Lenz J. M. R.* *Werke und Briefe in drei Bänden.* Hrsg. von S. Damm. Leipzig: Insel, 1987. Bd. 2. 958 S. Bd. 3. 994 S.
5. *Pautler S.* *Jakob Michael Reinhold Lenz' pietistische Weltdeutung und bürgerliche Sozialreform im Sturm und Drang.* Gütersloh: Kaiser, 1999. 514 S.
6. *Winter H.-G. J. M. R. Lenz.* Stuttgart: Melzer, 1987. 288 S.
7. *Nooijen A.* Neologie und Aberglaubenskritik in den deutschen Landen im späten 18. Jahrhundert. Zum geistesgeschichtlichen Kontext von Lenz' *Landprediger* // *Lenz-Jahrbuch.* 2004/07. Hannover: Wehrhahn, St. Ingbert: Röhrig, S. 249–278.
8. *Пастушенко Л. И.* «Немецкий Икар в ненастье»: Я. М. Р. Ленц и судьбы программного идеализма // *XVIII век: искусство жить и жизнь искусства: сб. науч. работ.* Отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. С. 232–243.
9. *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения в 2 т. / под ред. Г. Н. Джигладзе. Т. 1. М: Педагогика, 1981. 652 с.
10. *Werner F.* Bettelnder Dichter oder dichtender Bauer. *Der Landprediger* von J. M. R. Lenz – eine literarische Folge seiner Verbannung aus Weimar? Heidelberg: Mattes, 2009. 350 S.
11. *Arendt D.* Johann Wolfgang Goethe und Jakob Michael Reinhold Lenz oder „Ich flog empor wie eine Rakete“ // *Germanistisch-Romanistische Monatsschrift.* 74 (1993). S. 36–62.
12. *Müller M. E.* Die Wunschwelt des Tantalus. Kritische Bemerkungen zu sozialutopischen Entwürfen von J. M. R. Lenz // *Literatur für Leser.* 1984. S. 148–161.
13. *Rogers C. R.* A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework // *Koch S. (ed.). Psychology: A study of a science. Vol. 3: Formulations of the person and the social context.* New York: McGraw Hill, 1959. Pp. 184–256.
14. *Scherpe K. R.* Dichterische Erkenntnis und 'Projektmacherei'. Widersprüche im Werk von J. M. R. Lenz. // *Wacker M. (Hg.). Sturm und Drang, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. S. 279–314.*

REFERENCES

1. Gladilin N. V. "Tserbin, ili Novaya filosofiya" J. M. R. Lentsa v kontekste "Buri i natiska". *Nauka i shkola.* 2022, No. 3, pp. 11–19.
2. Gladilin N. V. "Lesnoy otshelnik, Pendant k Stradaniyam Vertera" J. M. R. Lentsa: ranniy opyt terapevticheskogo pisma. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2023, Vol. 16, Iss. 9, pp. 2829–2836.
3. Zierath C. *Moral und Sexualität bei Jakob Michael Reinhold Lenz.* St. Ingbert: Röhrig, 1995. 197 p.
4. Lenz J. M. R. *Werke und Briefe in drei Bänden.* Ed. by S. Damm. Leipzig: Insel, 1987. Vol. 2. 958 p. Vol. 3. 994 p.

5. Pautler S. *Jakob Michael Reinhold Lenz' pietistische Weltdeutung und bürgerliche Sozialreform im Sturm und Drang*. Gütersloh: Kaiser, 1999. 514 p.
6. Winter H.-G. *J. M. R. Lenz*. Stuttgart: Melzer, 1987. 288 p.
7. Nooijen A. Neologie und Aberglaubenskritik in den deutschen Landen im späten 18. Jahrhundert. Zum geistesgeschichtlichen Kontext von Lenz' Landprediger. In: *Lenz-Jahrbuch*. 2004/07. Hannover: Wehrhahn, St. Ingbert: Röhrig. Pp. 249–278.
8. Pastushenko L. I. "Nemetskiy Ikar v nenastye": J. M. R. Lents i sudby programmno idealizma. In: XVIII vek: iskusstvo zhit i zhizn iskusstva: collection of sc. papers. Ed. by N. T. Pakhsaryan. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 2004. Pp. 232–243.
9. Rousseau J.-J. *Pedagogicheskie sochineniya in 2 vols*. Ed. by G. N. Dzhibladze. Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1981. 652 p. (In Russian)
10. Werner F. *Bettelnder Dichter oder dichtender Bauer. Der Landprediger von J. M. R. Lenz – eine literarische Folge seiner Verbannung aus Weimar?* Heidelberg: Mattes, 2009. 350 p.
11. Arendt D. Johann Wolfgang Goethe und Jakob Michael Reinhold Lenz oder „Ich flog empor wie eine Rakete“. *Germanistisch-Romanistische Monatsschrift*. 74 (1993). Pp. 36–62.
12. Müller M. E. Die Wunschwelt des Tantalus. Kritische Bemerkungen zu sozialutopischen Entwürfen von J. M. R. Lenz. In: *Literatur für Leser*. 1984. Pp. 148–161.
13. Rogers C. R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered framework. In: Koch S. (ed.). *Psychology: A study of a science*. Vol. 3: Formulations of the person and the social context. New York: McGraw Hill, 1959. Pp. 184–256.
14. Scherpe K. R. Dichterische Erkenntnis und „Projektemacherei“. Widersprüche im Werk von J. M. R. Lenz. In: Wacker M. (ed.). *Sturm und Drang*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985. Pp. 279–314.

Гладилин Никита Валерьевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва

e-mail: nikitagl@inbox.ru

Gladilin Nikita V., ScD in Philology, Associate Professor, Assistant Professor, Foreign Languages Department, Maxim Gorky Literary Institute, Moscow

e-mail: nikitagl@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 05.03.2024

The article was received on 05.03.2024